

**ГРАММАТИКА
И ЛЕКСИКОЛОГИЯ**

УДК 80/81

**ЭКЗОТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА
И ЕЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ***Г.М. Валеева***Аннотация**

Экзотизмы – это слова и выражения, заимствованные из других языков, употребляемые для придания речи особого (местного) колорита и передачи особенностей лингвокультуры и ментальности другого народа. В статье анализируется контекстное употребление экзотизмов в языке оригинала и перевода (с русского на французский). Экзотическая лексика является лакунарной и требует альтернативного подхода к переводу. Проведенный сопоставительный анализ показывает, что при переводе экзотизмов в контекстном употреблении, как правило, сохраняется как внешняя форма данной лексики, так и ее внутреннее содержание.

Ключевые слова: заимствование, экзотизмы, экзотическая лексика, экзотические лексемы, лингвокультурология, лингвистические возможности, язык-донор, функционально-стилистические особенности, лакуны, переводческие трансформации.

Интеграция в мировое пространство и стирание границ между государствами способствовали расширению контактов между людьми различных национальностей. В результате общения, обмена информацией происходило заимствование идей, понятий, предметов, что неизменно влекло за собой взаимные изменения на лексическом уровне языков, находящихся в непосредственном контакте друг с другом. Известно, что лексический пласт является наиболее подвижным и быстро реагирует на изменения, связанные с культурой, историческими событиями в жизни того или иного народа. Следовательно, интерес лингвистов к лексической системе языка вполне оправдан и связан с изменением фокуса исследований в современном языкознании: акцентируется роль лингвокультурологического и прагматического компонентов в языковом механизме.

В настоящей работе, посвященной исследованию экзотической лексики в русском языке, основное внимание уделяется реализации потенциала, заложенного в этих единицах в их контекстном употреблении. Сопоставительному анализу подвергаются экзотизмы в романе Б. Акунина «Турецкий гамбит» и его французском переводе, выполненном И. Сокологорски.

Нам представляется существенным определить нашу позицию по отношению к понятиям «экзотизм», «экзотическая лексика», которые являются центральными для данного исследования.

Экзотизмы (греч. *exotikos* – чуждый, иноземный, необычный: *exo* – снаружи, вне) – это заимствования, передающие характерные этнонациональные особенности образа жизни контактирующих народов. Но экзотизмы – это еще и слова, в значении которых выражаются отличительные черты общественной жизни, быта, нравов, ментальности того народа, который они представляют.

Например, самые первые заимствования появились в русском языке еще в VIII – XII веках. Из шведского и норвежского языков проникли лексемы, связанные с морским промыслом: *ихеры*, *якорь*, *багор*. В деловой речи Древней Руси уже употреблялись слова *вира*, *тиун*, *ябеда*, *клеймо*. Из финно-угорских языков были заимствованы названия рыб: *сиг*, *навага*, *семга*, *салака*, *сельдь*, а также некоторые слова, связанные с жизнью северных народов: *сани*, *тундра*, *пурга*, *нарты* и др. Соседство с половцами, печенегами и хазарами (тюрки), а также монголо-татарское иго оставили в русском языке тюркизмы, которые главным образом отражают кочевой быт народов: *колчан*, *аркан*, *вьюк*, *шалаш*, *бешимет*, *кушак*, *каблук*, *кисет*, *кумач*, *сундук*, *караул* и др.

Подобные слова активно используются в научной, публицистической и художественной литературе при описании жизни народа, который их создал. Особенно отличаются экзотической лексикой кулинария (*меренг*, *круассан*, *баурсак*, *чак-чак*, *тако*), музыка (*рок*, *рэп*, *там-там*), одежда (*пончо*, *сомбреро*, *хиджаб*) и некоторые другие сферы.

Л.П. Крысин выделяет три типа иноязычных слов: заимствования, иноязычная лексика, иноязычные вкрапления [1, с. 108]. По мнению исследователя, между заимствованными словами, с одной стороны, и экзотизмами и иноязычными вкраплениями – с другой, существуют структурные и функциональные различия. Так, заимствованные слова представляют собой факты языка: помимо того что они связаны с лексико-семантической системой языка, можно более или менее точно определить состав и число заимствованных слов, большая часть которых лексикографически зафиксирована.

Вопрос о функционально-стилистических особенностях экзотических слов, преимущественно жесткой прикреплённости тех или иных разрядов заимствованной лексики к определенным функциональным разновидностям современного русского языка неоднократно освещался в лингвистической литературе.

Лингвисты отмечают, что путь заимствованных лексем из одного языка в другой идет через определенные препятствия (настороженность общества к воспринимаемому явлению). Учет широкого спектра разнообразных факторов, существенных для процесса заимствования, может способствовать детальному изучению данного феномена и последующего процесса его восприятия, приема в систему национального языка [2, с. 138].

В целом следует отметить, что процесс заимствования – сложный и многоплановый. По мере того как пласт заимствований пополнялся и становился все более разнообразным, основная масса заимствований претерпевала различные изменения. Постепенно входили в употребление и новые термины, которые стали обслуживать иноязычную лексику, включающую и новые заимствования.

В лингвистической литературе встречаются термины *квазизаимствования* (Л.М. Баш), *ксенизмы* (Л. Деруа) – *диаксенизмы* – *палеоксенизмы* – *экзотизмы* (экзотическая лексика, экзотические слова), *интерлексемы* (Ф. Майсснер), *регионализмы* (М.М. Маковский), *иноязычные вкрапления*. Но данная терминология не является пока системно разработанной.

В настоящее время под экзотизмом понимается любое заимствование из любого этноязыка. Со своей стороны О.С. Ахманова считает, что экзотизм – это «иностранный язык (выражение и т. п.), не получивший права гражданства в общем языке и бытующий лишь в некоторых специфических его разновидностях» [3, с. 70].

На непостоянную позицию экзотических слов в языке указывает также «Словарь лингвистических терминов» Д.Э. Розенталя, где лексеме «экзотизм» дается следующее определение: «...иноязычное слово или выражение, не до конца освоенное заимствующим языком, чаще всего в связи с трудностями грамматического освоения: *микадо, табльдот, хобби*» [4, с. 78].

При достаточно широком толковании экзотизмов в лингвистической литературе к ним относят диалектизмы, регионализмы и этнографизмы, описывающие жизненные реалии субэтнической группы в составе какого-либо народа (например, *секлеры (секеи)* и *чанго* в составе венгерского народа).

Функциональный потенциал экзотизмов (возможности, которые предоставляет использование данной лексики в устной и письменной речи) можно в целом определить следующим образом: употребление в речи для передачи особенностей лингвокультуры другого народа, местного колорита, национальных обычаев, ментальности.

Рассмотрим указанный выше потенциал на иллюстративном материале романа Б. Акунина «Турецкий гамбит», параллельно обращая внимание на переводной текст на французском языке, так как это также представляет интерес в плане определения возможностей адекватной передачи информации, содержащейся в оригинале, и сопоставления семантической структуры экзотизмов в контексте разноструктурных языков. Поскольку сопоставительное изучение разносистемных языков как в теоретическом, так и в практическом плане является одной из актуальных проблем языкознания на рубеже XX – XXI веков, мы считаем целесообразным провести подобный анализ сквозь призму лингвокультурологии, теории межкультурной коммуникации и практики перевода.

Следует отметить, что при переводе художественной литературы основная проблема заключается в том, как сохранить не только смысл элементов произведения, но и их колоритность. Особенно сложно переводчику найти функционально-стилистическое соответствие так называемым реалиям, элементам с национально-культурным компонентом, которые в силу своей уникальности не имеют, как правило, точных соответствий в других языках. Но, как показывает практика, даже таким специфическим лексическим единицам при желании можно найти адекватные эквиваленты. По мнению А.В. Федорова, «действительно непереводаемыми являются те отдельные элементы языка подлинника, которые представляют отклонения от общей нормы языка, ощутимые по отношению именно к этому языку» [5, с. 123].

В своем романе Б. Акунин через увлекательный сюжет воссоздает картину российской действительности последней четверти XIX века. Автор использует специфические языковые средства, несущие емкую функциональную нагрузку при воссоздании исторического и национального колорита описываемой эпохи. Помимо широкой гаммы устаревших слов и выражений, автор использует ресурсы устной разговорной речи, а также элементы отклонений от литературной нормы, которые придают тексту определённую стилистическую окраску.

В романе «Турецкий гамбит» автор намеренно придает речи своих героев ориентальный и непонятный порой для самих героев романа колорит. Для нашего исследования интересно будет проследить, как переводчик передает этноспецифику использованной автором экзотической ориентальной лексики.

Рассмотрим следующий пример:

«Главные лица в Османской империи не султан и великий визирь, а мать и любимая жена падишаха. Ну и, разумеется, *кизляр-агази* – главный евнух гарема» (АБ: 94).

«Les personnages principaux de l'Empire ottoman ne sont ni le sultan ni le grand vizir, ce sont la mère et l'épouse préférée du padischah. Et, bien sûr, *le kizlar-aga*, l'eunuque en chef du harem» (АБ: 108).

Во французском варианте данный колорит экзотическая лексема *kizlar-aga* сохраняет, не меняя своего фонетического облика, однако переводчик грамматически трансформирует сложный по своему образованию экзотизм, опуская аффикс принадлежности *-si* (от тур. *kizlar ağası*) – *le kizlar-aga*.

В оригинале автор даёт расшифровку лексеме *кизляр-агази* (главный евнух гарема), что позволяет читателю понять смысл экзотизма. Переводчик копирует этот прием во французском варианте – *le kizlar-aga* (l'eunuque en chef du harem).

В следующих примерах мы наблюдаем аналогичную ситуацию:

«Однако кроме полноправных жен у падишаха есть ещё *икбал* – нечто вроде фавориток – и совсем юные *гедикли*, «девы, приятные глазу», претендентки на роль икбал» (АБ: 94).

«Mes outre ses épouses légitimes, un padischah a également son *ikbal*, quelque chose comme des favorites, et de toutes jeunes *gedikli*, «jeunes filles agréables au regard», qui aspirent à une place dans *l'ikbal*» (АБ: 109).

Таким образом, автор оригинального текста дает читателю пояснение экзотической лексеме (*икбал* – «нечто вроде фавориток», *гедикли* – «девы, приятные глазу»), и переводчик использует тот же прием (*ikbal* – «quelque chose comme des favorites», *gedikli* – «jeunes filles agréables au regard»).

Приведем еще несколько примеров контекстного использования экзотизмов.

Дей – *le dey*

«Известно лишь, что у берегов Сардинии судно захватили корсары, и французенка попала в Алжир, на невольничий рынок, где её купил сам алжирский *дей*...» (АБ: 96).

«On sait seulement qu'au large de la Sardaigne, le navire a été accosté par des corsaires, et la jeune Française s'est retrouvée sur le marché d'esclaves d'Alger où elle a été achetée par *le dey*...» (АБ: 111).

Башибузуки («бешеные головы») – *les Bachi-Bouzouks* («têtes folles»).

«Наступающая армия почти не встречает сопротивления, если не считать комариных укусов, которые наносят по русским коммуникациям летучие отряды так называемых *башибузуков* («бешеных голов») – полуразбойников-полупартизан, известных своим диким нравом и кровожадной свирепостью» (АБ: 3).

«Dans sa marche en avant, l'armée ne rencontre pratiquement pas de résistance, si l'on excepte les piqûres de moustique que font subir aux communications russes les détachements volants de ce que l'on appelle *les Bachi-Bouzouks* (têtes folles), mi-bandits, mi-partisans, connus pour leurs mœurs sauvages et leur férocité sanguinaire» (АБ:7).

Каймакан – *le kaimakan*

«Видин – это город на румынской границе. А *каймакан* – губернатор» (АБ: 18).

«Vidin est une ville sur la frontière roumaine. Et *le kaimakan* en est le gouverneur» (АБ: 24).

Механа – *un mékhana*

«Это не корчма, а *механа*» (АБ: 19).

«D'ailleurs ce n'est pas une auberge, c'est *un mékhana*» (АБ: 26).

Мишур – *mişur*

«Ему всего сорок пять, а он уже *мишур*, то есть фельдмаршал» (АБ: 38).

«Il a tout juste quarante-cinq ans, et il est déjà *mişur*, c'est-à-dire feld-maréchal» (АБ: 46).

Гарем – *le harem*

«А тем временем мой добрый друг Абдул-Азис, как обычно, сидел у себя в *гареме*, наслаждаясь обществом любимой жены, прелестной Михри-ханум, которая была на сносях, много капризничала и требовала, чтобы повелитель все время находился рядом» (АБ: 53).

«Pendant ce temps-là, mon bon ami Abdül-Aziz passait son temps comme à l'accoutumée dans *son harem*, en la plaisante compagnie de son épouse préférée, la délicieuse Mihri Hanım, qui, étant sur le point d'accoucher, faisait caprice sur caprice et exigeait la présence constante de son maître» (АБ: 60).

Ятаган – *le yatagan*

«Мидхата и прочих сановников Гасан-бей не тронул, но военному министру всадил в грудь две пули из револьвера, а потом добил старика *ятаганом*» (АБ: 56).

«Il ne toucha ni à Midhat ni à ses notables, en revanche il tira deux balles de revolver dans la poitrine du ministre de la Guerre, qu'il acheva au *yatagan*» (АБ: 66).

Султаниша – *sultane*

«Посему на протяжении веков каждая из многочисленных *султаниш* мечтала возвести на престол своего сына, а сыновей своих соперниц всячески пыталась истребить» (АБ: 57).

«C'est pourquoi, durant des siècles, chacune des très nombreuses *sultanes* a rêvé de faire monter son fils sur le trône, œuvrant de toutes les manières à faire disparaître ceux de ses rivales» (АБ: 67).

Аскер – l'asker

«...Турки и дозоров-то толком выставить не удосужились. Первого *аскера* я повстречал только на окраине» (АБ: 82).

«Les Turcs n'ont même pas eu l'habileté de disposer des veilleurs correctement, et ce n'est qu'entré pratiquement dans la ville que j'ai rencontré le premier *asker*» (АБ: 96).

Гяуры – les giaours

«Сел на корточки, лицом к Мекке и давай приговаривать: “О великий и всемогущий Аллах, окажи милость Твоему верному рабу, дай ему увидеть при жизни, как горят в аду подлые *гяуры*, недостойные топтать Твою священную землю”» (АБ: 88).

«Puis il s'est assis sur ses talons, et, se tournant vers La Mecque, il a commence à psalmodier: “O grand et tout-puissant Allah! Accorde à ton fidèle serviteur la grâce de voir de son vivant les vils *Giaours*, indignes de fouler ton sol sacré, brûler en enfer”» (АБ: 102).

Евнух-абиссинец – un eunuque abyssin

«Рядом – жирный *евнух-абиссинец*, кабан кабаном, сзади еще коляска с прислужницами» (АБ: 89).

«A ses côtés, un *eunuque abyssin* obèse, un vrai porc comme on n'en imagine pas de plus gras. Derrière, une autre calèche occupée par des servantes» (АБ: 103).

*Рахат-лукум – rahat-lokoum**Одалиски – des odalisques*

«Ведь что такое *гарем*, господа? Вы представляете себе журчание фонтана, полуголых *одалисок*, лениво поедающих *рахат-лукум*, звон *монист*, пряный аромат духов, и всё это окутано этакой развратно-пресыщенной дымкой» (АБ: 92).

«Par ce qu'en fait, messieurs, qu'est-ce que c'est qu'un harem? Vous imaginez un jet d'eau bruisant, *des odalisques* à moitié dénudées savourant paresseusement des carrés de *rahat-lokoum*, le tintement de *colliers de perles*, l'odeur entêtante de parfums, le tout flottant dans une vapeur de volupté et de lascivité» (АБ: 107).

Приведенные ориентальные экзотические лексемы сохраняют внешнюю фонетическую форму в переводе для передачи национального своеобразия подлинника. Таким образом, переводчик копирует создаваемую автором романа «Турецкий гамбит» восточную ауру. Интересным, на наш взгляд, с точки зрения перевода представляется перифраз лексемы *монисто – collier de perles* («жемчужное ожерелье»). Согласно «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера данная лексема происходит от индоевр. *monī* – «шея», имеет различные фонетические варианты в языках этой группы. Таким образом, лексема *монисто* не имеет той этнической насыщенности, которая позволяет передать восточный колорит, и переводчик отдал предпочтение приему дескриптивного перевода.

Кальян – un narguilé

«– А посредине властелин всего этого курятника, в халате, с *кальяном* и блаженной улыбкой на красных устах, – мечтательно вставил гусар» (АБ: 93).

«– Avec, au milieu de tout cela, le maître de cette volière, en robe ample, *un narguilé* dans la main et un sourire de félicité sur ses lèvres rouges, ajouta le hussard rêveur» (АБ: 107).

В данных контекстах сохраняется внутреннее содержание экзотизма, а звуковая форма соответствует той лексеме, которая ассимилировалась в системе языка: в русский язык из персидского перешла лексема *кальян*, во французский из турецкого – *narguilé*. Подобная замена позволила избежать дополнительных пояснений и уточнений, не нагружая синтаксическую структуру предложения в переводном тексте.

Карма – le karma

«*Карма* – одно из основополагающих понятий индийской и буддийской философии. Нечто вроде христианского рока, но гораздо интересней» (АБ: 255).

«*Le karma* est l'un des concepts de base de la philosophie indienne et de la philosophie bouddhiste. Il y a quelque chose à voir avec la notion chrétienne de destin, mais c'est beaucoup plus subtil» (АБ: 286).

Как видно из приведенных иллюстраций, Б. Акунин живо использует терминологию и специфические языковые средства, которые несут важную функционально-семантическую нагрузку при воссоздании особого, восточного колорита романа. Помимо широкой гаммы устаревших слов и выражений (*гарем, аскер, гяуры*), автор использует лексемы, которые современны и понятны читателю (*кальян, карма*).

Таким образом, во французском варианте романа Б. Акунина мы встречаем такие способы перевода ориентальных лексем, как транскрипция, лексико-грамматические трансформации (замена аналогами в языке перевода, опущение грамматических маркеров (аффиксов), перифрастический перевод. Переводчик И. Сокологорски полностью сохраняет стилистику Б. Акунина в области использования экзотизмов, поэтому очевидным является тот факт, что между языком оригинала и языком перевода нет существенных типологических различий по отношению к экзотической лексике.

Summary

G.M. Valeeva. Exotic Lexicon and Its Linguistic Possibilities.

Exotic lexical units are words and expressions borrowed from other languages and used to make the speech sound more specific to the local area depicted, *lingviculture* of the population, national peculiarities, and mentality. The article presents the analysis of the use of exotic lexical units in the source (Russian) and target (French) languages. Exotic lexical units behave as *lacunas* and need to be translated in different ways. The comparative analysis shows that when translated in the context such kind of words and expressions maintain their outer form as well as its inner content.

Key words: borrowing, exotic words, exotic lexicon, exotic lexical units, cultural linguistics, linguistic possibilities, donor language, functional-stylistic characteristics, *lacunas*, transformations in translation.

Источники

АБ – Акунин Б. Турецкий гамбит. – М.: Захаров, 2007. – 271 с.

AB – *Akounine B.* Le Gambit turc / Trad. du russe I. Sokologorsky. – Paris: Presse de la Cité, 2001. – 302 p.

Литература

1. *Крысин Л.П.* К определению терминов «заимствование» и «заимствованное слово» // Развитие лексики современного русского языка / Под ред. Е.А. Земской, Д.Н. Шмелева. – М.: Наука, 1965. – С. 104–116.
2. *Крысин Л.П.* Иноязычные слова в современном русском языке. – М.: Наука, 1968. – 208 с.
3. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энцикл., 1966. – 605 с.
4. *Розенталь Д.Э.* Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.
5. *Федоров А.В.* Основы общей теории перевода. – М.: Высш. шк., 1983. – 303 с.

Поступила в редакцию
17.02.10

Валеева Гульназ Мударисовна – аспирант кафедры французского языка Казанского (Приволжского) федерального университета.
E-mail: gulnazvale@mail.ru